

В.Н. ЗАЛЕССКАЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ПРИОБРЕТЕНИЯХ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТОРЕВТИКИ VI В. В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

В 2001 г. собрание византийских памятников Эрмитажа пополнилось несколькими образцами торевтики, приобретенными через Фондово-закупочную комиссию. Наше внимание привлекли две серебряные ложки и серебряный перстень с гравировкой и чернью¹. Каждый из публикуемых предметов интересен своими связями с вопросами литургики и локализации. На диске одной из ложек², соединяющем ручку с черпаком, была выгравирована греческая монограмма открытого типа, которую составили буквы Α, Ο, Ν, Σ, Υ (Рис. 1). На диске другой ложки³ была помещена хризма, между лучами которой греческие литеры образовали слово ΕΥΤΥΧΗ (εὐτυχίη) – «на счастье» (Рис. 2). По структуре основных образующих элементов ложки подобного типа принято датировать первой половиной VI в.⁴ Что же касается содержания надписи на щитке, то на ложке она встретилась впервые.

Ранневизантийские, – IV–VII вв., – ложки, употреблявшиеся как для бытовых целей, так и имевшие отношение к христианскому культу,

¹ См.: Залесская В.Н. О некоторых литургических функциях ложек в ранней Византии // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2004. С. 41–45.

² Ложка, инв. № ω 1497. Размеры: дл. ручки – 24 см, черпак 7,84 x 3,56 см. Сохранность: на черпаке трещинки и разрывы металла, ручка погнута, металл местами расслаивается.

³ Ложка, инв. № ω 1498. Размеры: дл. ручки 25 см, черпак 8,81 x 3,73 см. Сохранность: на черпаке трещина со значительными утратами; местами металл расслаивается. Колечко на ручке подвижно.

⁴ Trésors d'orfèvrerie gallo-romains. Musée de Luxembourg, Paris et Musée de la civilisation gallo-romaine. Lyon, 8 février – 27 août 1989. P., 1989, P. 278–279. № 245.

назывались либо кохлеарии (лат. – cochleariae), либо лигулы (лат. – ligulae). Оба типа ложек были известны в Римской империи с конца I в. н.э. Первые, получившие свое название от латинского слова cochlea (улитка), первоначально служили для извлечения моллюсков из раковин, вторые, более массивные, с большими черпаками и длинными (до 30 см.) ручками, были универсальны. Они могли использоваться и для культовых целей, как, например, ложки с фигурно изогнутыми или прямыми ручками, завершающимися утиными головками⁵. Последние имели отношение к особому варианту дионисийского культа, где бог вина и веселые выступал как предводитель морских демонов. Хранящиеся в музеях Московского Кремля серебряный ковшик конца IV в. с изображением Диониса и его спутников и найденная вместе с ним «утиноголовая» ложка, согласно помещенной на ручке ковша весовой надписи, составляли один гарнитур⁶. В византийское время известны оба типа ложек, однако, различия в их функциональном назначении были уже забыты. С VI в. начинают преобладать ложки типа cochlearia, т.е. меньшие по размерам, чем лигулы. Бытовые функции, как правило, выполняли именные ложки, которые было принято украшать черневым растительным орнаментом или изображениями хищных животных, в основном львов и грифонов⁷.

Среди специалистов по литургике нет единого мнения о том, когда именно ложка превращается в евхаристическую лжицу. Греческое название этого предмета – ἡ λαβίδα, ложка же бытового назначения обозначается термином τὸ χουτάλι. Любопытно отметить, что в современном греческом языке ἡ λαβίδα означает инструмент для захвата чего бы то ни было, т.е. клещи. Доиконоборческие литургические тексты не содержат сведений ни о символике лжицы как посредницы церкви в духовном питании мирян, ни о непосредственном ее использовании при причастии. Ссылка на проповедь Иоанна Златоуста (между 344 и 354–407 гг.), направленную против иудеев, в которой он будто бы предписывал ввести в церковный обряд лжицу, не корректна, поскольку является интерполяцией XIV в.; взятой из сочинения Никифора Ксанфопула (Каллиста)⁸. В проповеди Златоуста осуждается только вынос

⁵ Trésors d'orfèverie gallo-romains. P. 106, 152.

⁶ ЗАЛЕССКАЯ В.Н. К открытию новых образцов ранневизантийской торевтики // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2001. С. 23-24.

⁷ MUNDSELL MANGO V. Silver from Early Byzantium. The Kaper Koraon and Related Treasure. Baltimore, 1986. P. 118-119.

⁸ Архимандрит КИПРИАН (ЖЕРН). Евхаристия (Из чтений в Православном Богословском Институте в Париже). М., 1999. С. 296.

из храма освященного хлеба и использование его затем для колдовства, конкретного же описания литургической утвари, используемой при причастии, не содержится. Самый ранний из дошедших до нас текстов, унциальный кодекс *Barberini gr. 336* Ватиканской библиотеки, датированный серединой VIII в., предписывал священнику взять частицу евхаристического хлеба и опустить его в потир с вином, причем множественное число кусочков такого хлеба должно было предполагать и существование особого предмета для его раздачи. Это действие священника сопровождалось словами «Для полноты Духа Святого», т.е. употреблялось изречение, которое впервые было засвидетельствовано в переводе также VIII в. на армянский язык литургии Иоанна Златоуста⁹. Приведенные данные свидетельствуют о том, что, по-видимому, примерно с VIII в. лжица стала использоваться для причастия мирян, духовенство же продолжало причащаться традиционным способом. Столетием раньше, в 692 г., постановлениями Трулльского собора предписывалось класть освященный хлеб только в потир, причащение же должно было проходить «через живые руки человека, созданного по образу и подобию Бога»¹⁰, т.е. такой ритуал мог косвенно указывать на использование лжицы. По мнению диакона Александра Мусина, лжица для причащения мирян появляется только в X–XI вв. и является нововведением Константинопольской церкви¹¹. Более распространенной является точка зрения, – она господствует в недавно вышедших каталогах византийских памятников, представленных на временных выставках¹², – что в таинстве Евхаристии до VIII в. лжица не употреблялась¹³. Тем не менее, поскольку известно достаточное количество ложек V–VII вв. с изображениями павлинов, хризм и крестов, в том числе поднесенных по обету и сохранявшихся в церковных сокровищницах, остается вопрос, а не могли ли использоваться такие ложки для причастия и в ранневизантийское время? М. Мунделл Манго в своем исследовании о ран-

⁹ Уайбру Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда / Пер. А. ДОРМАНА. М., 2000. С. 139.

¹⁰ ТАФТ Р.Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. А.А. ЧЕКАЛОВОЙ. М., 2000. С. 29.

¹¹ ДИАК. АЛ-Р МУСИН. Предметный мир храмового богослужения и личного благочестия в Древней Руси: византийские традиции и христианское творчество // Византия и христианский Восток. Науч. конф. памяти А.В. БАНК. СПб., 1999. С. 35.

¹² *Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium. Every Day Life in Byzantium* / Ed. by D. PAPANIKOLA-BAKIRTZI. Athens, 2002. P. 338-339.

¹³ HAUSER S. *Spätantike und frühbyzantinische Silberlöffel*. Münster, 1992. S. 78.

невизантийском серебре¹⁴, допускает такую возможность, ссылаясь при этом на сирийский текст VI в., принадлежащий Иоанну Ефесскому. В нем сообщается о некоем донаторе, который поднес в храм целый набор евхаристической посуды, причем наряду с потиром и диском упоминалась и ложка (*torade*). Ложки известны как среди церковных *ex-voto*, так и среди привозимых из святых мест *евлогий*. На последних имелись надписи, пояснявшие благословением какого святого является данный предмет. Так, на серебряных ложках из собрания Думбартон Окс, Вашингтон выгравированы имена апостолов: например, *εὐλογία τοῦ ἁγίου Παύλου* – благословение св. Павла¹⁵.

Приобретенная Эрмитажем ложка не относится к *евлогиям*. Помещенная на ней надпись «на счастье» встречается на предметах иного употребления, а именно связанных с бракосочетанием. Она фигурирует среди прочих благопожеланий, как-то «согласие», «здоровье», «благодать», «милость» на обручальных кольцах¹⁶, ожерельях, поясах¹⁷ и ларцах¹⁸. Из Жития св. Алексея, человека Божия, явствует, что все эти драгоценные предметы не участвовали в самом обряде венчания, но дарились новобрачной ее супругом в брачном покое. «И вошед в брачный покой, юноша увидел ее сидящей в кресле. И он взял свой золотой перстень и поясную пряжку, завернутые в пурпурного цвета покров, и отдал ей, и сказал: <Прими это и береги, и Господь да будет между мною и тобою, пока на то воля его>, и сказал ей и другие сокровенные слова»¹⁹. Можно было бы предполагать, что и ложка с традиционной для свадебных подарков надписью является таким же подношением. Однако, письменные источники, а именно византийские *Евхологии*, дают основание для иного предположения. Эти тексты, самые ранние из которых датируются XI в., приводят описание венчания, при котором вступающая в брак пара приобретает святых даров отдельно после

¹⁴ MUNDELL MANGO V. Silver from Early Byzantium. P. 119-120.

¹⁵ ROSS M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1962. Vol. 1. P. 17-19. № 13.

¹⁶ НЕВЕРОВ О.Я. Античные перстни (VI до н.э. – IV в. н.э.) // Каталог временной выставки. Л., 1978. С. 16. № 151.

¹⁷ ROSS M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1965. Vol. 2. P. 37-39, 55-59. № 38, 64-69.

¹⁸ BUSCHHAUSEN H. Die spätrömischen Metallschreine und frühchristlichen Reliquiare 1. Teil: Katalog // Wiener Byzantinistische Studien. Wien, 1971. Bd. IX. S. 181-190, № 3.

¹⁹ Житие и деяния человека Божия Алексея / Пер. С.В. Поляковой // Жития византийских святых. СПб., 1995. С. 322-323.

причащения собравшихся в церкви, но в их присутствии. Текст Евхология включал литанию и три коротких молитвы о благословении венцов и евхаристической чаши²⁰. Этот обряд, известный еще Феодору Студиту (759–826), предполагал наличие особой чаши для причащения жениха и невесты²¹. Чтение соответствующих молитв, благословение венцов и чаши составляли основу свадебной церемонии, такой, какой ее сохранили византийские Евхологии по XV в. включительно²². Все, совершавшееся в церковной жизни христиан концентрировалось около Литургии, связывалось с ней и включалось в ее состав, венчание в том числе. Позднее это стало частным делом человека, до которого соборному сознанию общины не было дела.

Из раннехристианских катакомб происходит значительное количество фрагментарно сохранившихся стеклянных чаш IV в. с изображениями, выполненными гравировкой по запаянной в стекло золотой фольге. Среди собственно евхаристических чаш с изображением Жертвоприношения Авраама или апостолов Петра и Павла и сосудов с изображением св. Агнессы для освященной воды, которую диаконы использовали для врачевания, выделяется группа чаш с портретами, в том числе и супругов, которых венчают Геракл, Эрот и Иисус Христос²³. В последнем случае речь идет о христианской паре. Такие сосуды могли посвящаться Богу, могли служить свадебным подарком, а могли, гипотетически, использоваться и для причащения вступающих в брак.

Все вышесказанное позволяет предположить, что рассматриваемая ложка (Рис. 2), также как и особая чаша, использовались для причащения венчающихся. Это гипотеза, во-первых, совпадает с мнением тех исследователей, которые на основании анализа изображений на определенной категории ложек считают, что они еще до VIII в. имели литургическое назначение, а, во-вторых, конкретный предмет может служить дополнительной иллюстрацией обряда, описанного в Евхологиях. Итак, византийская ложка VI в. с греческой надписью «на счастье», как это нередко бывает с различными вещественными памятниками, способна, говоря словами французского историка

²⁰ MEYENDORFF J. Christian Marriage in Byzantium: the Canonical and Liturgical Tradition // DOP. 1990. Vol. 44. P. 99-107.

²¹ STEVENSON K. Nuptial Blessing: a Study of Christian Marriage Rite. L., 1982. P. 95-107.

²² ДМИТРИЕВСКИЙ А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока // Π Εὐχολόγια. Киев, 1901. С. 441.

²³ HARDEN D.B. Glass of the Caesars. Milan, 1987. P. 280-282. № 155-157.

Ш. Диля, рассказать о том, о чем «история не удостоила поведать нам или не имела к тому случая»²⁴.

В одном комплекте с двумя ложками типа кохлеарии находился массивный серебряный перстень²⁵ (Рис. 3, 1-4). На его щитке, поднятом на вершину пятиступенчатой усеченной пирамиды, вырезана и частично заполнена чернью греческая буква «М», по сторонам которой помещены пальмовая ветвь и крест. У подножия пирамиды на плечиках – два таких же по форме креста с расширяющимися концами, но больших размеров. Кресты, пальмовые ветви и литеры обычны для декора ранне-византийских перстней, что же касается конструкции пирамидальной жуковины, то она до сих пор не встречалась. Литеры на щитках перстней, как правило, являлись монограммами имен владельцев. На рассматриваемом памятнике имеется всего одна буква, хотя нельзя исключать, что в ее конструкции могли предполагаться еще «I» (вертикальный столбик «М») и «X» (крестообразное пересечение внутри «М»); в таком случае, здесь наличествовала бы монограмма имени «Михаил». Монограммы в окружении пальмовых ветвей, звезд и крестов были достаточно распространены на византийских памятниках VI в., присутствуют они и на образцах, хранящихся в Эрмитаже: на щитке бронзового перстня с погрудным изображением мужчины, монограмма имени которого представлена между пальмовой ветвью и звездой²⁶, и на гранатовой вставке для перстня, где помимо монограммы выгравированы крест и звезда²⁷. Исходя из приведенных аналогий, приобретенный Эрмитажем перстень должен быть датирован VI в. Возможно и иное истолкование буквы «М» на щитке. Если предположить, что перед нами не монограмма, а криптограмма, то в сочетании с крестом она могла бы быть раскрыта либо как Воздвижение Креста – Μ[ετέσθη τοῦ σταυροῦ], от μετίσθη (возникать, воссиять), либо как Величие Креста – Μ[εγαλειῶν τοῦ σταυροῦ]. Тайнопись, связанная с данной литерой, на ранневизантийских памятниках не засвидетельствована. Афористические надписи первого типа встречаются на разного рода предметах,

²⁴ Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994. С. 407.

²⁵ Перстень, инв. № о 1499. Размеры: дм. 2,7 см, щиток 3,1 x 2,7 см. Сохранность: потертости, царапины, частичные утраты металла.

²⁶ Залесская В.Н. Памятники византийской и поствизантийской эпиграфики // Из коллекций академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 68. № 160.

²⁷ Залесская В.Н. Ранневизантийская глиптика в собрании Эрмитажа // Сфрагистика и история культуры. Сб. научных трудов, посвященных юбилею В.С. Шандровской. СПб., 2004. С. 14. Табл. I. Рис. 1.

датируемых не ранее XI в.²⁸, что же касается второго примера, то аналогии имеются только на афонских крестах из резного дерева²⁹. Здесь уместно вспомнить замечание Н.В. Покровского о том, что многие из нетрадиционных криптограмм были индивидуальным изобретением резчика и потому любое предлагаемое современным исследователем толкование всегда будет более или менее произвольным³⁰. Вопрос о том, является ли литера на щитке монограммой или криптограммой, связан с определением, какой именно крест здесь изображен. Изображения крестов на ранневизантийских перстнях известны по многим образцам³¹. Однако, все они помещались либо на плоских круглых щитках, либо жуковина имела форму цветочного бутона. Уникальность рассматриваемого перстня состоит в том, что его щиток вознесен на площадку, к которой ведут ступени.

Длительная дискуссия на тему о том, какой именно крест, воздвигнутый ли на Голгофе императором Феодосием II или стоявший в Константинополе на Форуме Константина³², послужил образцом для изображения креста на ступенях, завершилась в пользу константинопольского варианта³³. Такой крест появляется впервые на солидах императора Тиберия II (578–582). Он часто встречается на печатях исторических деятелей, которые играли видную роль в военных делах, – магистров, логофетов дрома, друнгариев, мистиков. Это был крест, который в Типиконе Льва VI (886–912) и у Константина Багрянородного (913–959) рассматривался как осененное крестом победное знамя (отσυρικὸν τρόλαιον), с помощью которого был отвоеван у арабов Крит³⁴. Помещенный на ступенчатом возвышении крест был не столько символом вла-

²⁸ ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Коллекция византийских и поствизантийских перстней // Византия и Ближний Восток. СПб., 1994. С. 95.

²⁹ ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Афонские резные кресты и образки // ВВ. 1993. Т. 54. С. 140-144.

³⁰ ПОКРОВСКИЙ Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892. С. 356.

³¹ SPIESER J.M. Bagues romaines et médiévales. Collection Paul Canellopoulos // BCH. 1972. Vol. 96. P. 131. № 16, fig. 30; VICAN G. Early Christian and Byzantine Rings in the Zucker Family Collection // Journal of the Walters Art Gallery. 1987. Vol. 45. P. 32-43; East Christian Art. A 12th Anniversary Exhibition / Catalogue compiled and ed. by I. PETSPOULOS. L., 1987. P. 23. № 7.

³² Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques françaises. P., 1992. P. 170-171.

³³ KOLTSIDA-MAKERE I. The Representation of the Cross on Byzantine Lead Seals // SBS. 1995. Vol. 4. P. 43-51.

³⁴ См.: AHRWEILER H. Études sur les structures administratives et sociales de Byzance. L.: VR, 1971. XII.

сти византийского василевса³⁵, сколько символом победы над врагами империи³⁶. На перекрестье большого мраморного креста, который стоял напротив храма Святой Софии в Константинополе, было помещено изваяние Тюхе византийской столицы. По мнению А. Грабара, именно данный крест мог явиться прототипом для многих драгоценных экземпляров, которые заказывали знатные лица империи для дипломатических подарков и поднесения в храмы³⁷. Однако, возможно и другое предположение: крест на ступенях, помещавшийся на монетах, печатях и перстнях, копировал другое изображение креста, которое как напоминание о победе над Максенцием находилось в часовне, посвященной императору Константину и его матери Елене. Эта часовня была сооружена на форуме Константина и располагалась у подножья колонны, увенчанной статуей императора. Там же хранились и доставленные из Иерусалима гвозди, которыми Иисус Христос был пригвожден ко кресту. Позднее они были оправлены в золото и вставлены в венец *augur soqopatium*, который был составной частью лучевой короны Константина³⁸.

Итак, создавая композицию, выгравированную на щитке серебряного перстня, мастер, вероятнее всего, хотел в условной форме воспроизвести памятник, находившийся в одном из известных мест византийской столицы. Этот перстень, таким образом, может рассматриваться как константинопольская евлогия, каковых для ранневизантийского времени известно очень немного.

³⁵ ERICSSON K. The Cross on Steps and the Silver Hexagram // JÖB. 1968. Bd. 17. P. 149-164.

³⁶ GAGÉ J. Σταυρός νικητοῦς. La victoire impériale dans l'Empire chrétien // Revue d'histoire et de philosophie religieuses. Strasbourg, 1933. P. 370-400.

³⁷ GRABAR A. La précieuse croix de la Lavra de Saint-Athanase au Mont-Athos // Cahiers archéologiques. 1969. Vol. 19. P. 112-113.

³⁸ FREELY J., ÇARMAK A.S. Byzantine Monuments of Istanbul. Cambridge, 2004. P. 23, 29-30.

Залеская В.Н. О некоторых новых приобретениях...

V.N. ZALESSKAJA
SANKT PETERSBURG

ÜBER EINIGE NEUERWERBUNGEN BYZANTINISCHER ZISELIERARBEIT
DES 6. JH.S IN DER SAMMLUNG DER ERMITAGE

Im Jahre 2001 erwarb die Ermitage zwei Silberlöffel und einen Silberring des 6. Jh.s. Auf einem der Löffel findet sich ein griechisches Kryptogramm mit den Buchstaben Α, Ο, Ν, Σ, Υ eingraviert, auf dem anderen der Glückwunsch ΕΥΤΥΧΗ, auf dem Ring der Buchstabe Μ zwischen Palmzweigen und einem Kreuz.

Рис.1. Ложка с греческой монограммой. Серебро. Византия, VI в.
Государственный Эрмитаж

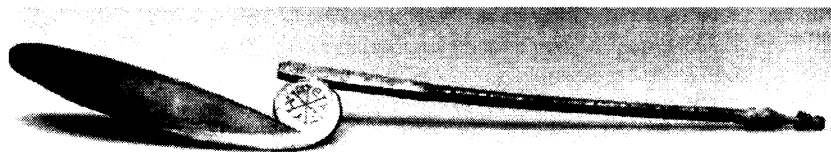
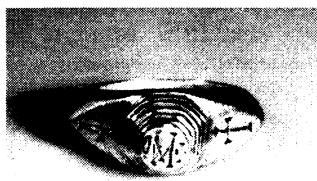
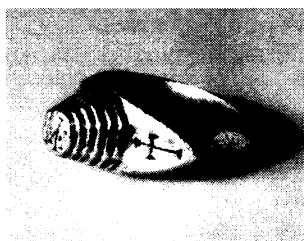

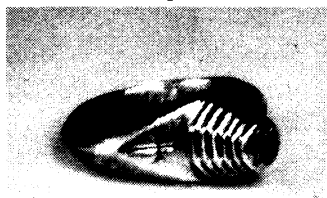
Рис.2. Ложка с греческой надписью «На счастье». Серебро. Византия, VI в.
Государственный Эрмитаж

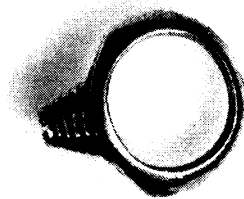
1

2

3

4

Рис. 3. Перстень с изображениями крестов, греческой буквы М и пальмовой ветви. Серебро. Византия, VI в. Государственный Эрмитаж;
1 – Вид в фас; 2 – Вид сбоку; 3 – Вид сбоку; 4 – Вид в профиль